

УДК 342ю24+316.6

Михаил Сергеевич Ильченко

аспирант

Учреждения Российской академии наук

Института философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург

8(922) 215-80-45 msilchenko@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА: ОПЫТ АНАЛИЗА ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

В статье рассмотрены перспективы использования институционального подхода для преодоления методологических недостатков субъективистских моделей при объяснении изменений политических систем. На примере анализа федераций показано, что основным фактором их трансформации могут выступать устойчивые практики взаимодействия политических акторов, рассмотренные в качестве функционального свойства развития федерализма.

Институционализм, теория рационального выбора, элитистский подход, федерализм, федеративные практики

Одним из основных нареканий в адрес современных версий институционализма можно считать неопределенное и крайне широкое толкование ими самого понятия «институт». Для этого действительно есть основания, поскольку трактовка института как «правила игры» способна включить в себя по сути любой сколько-либо устойчивый образец поведения – от социальной привычки до конституционной нормы. Однако именно в этом аспекте недостаток институционального подхода, как ни парадоксально, становится его же преимуществом. Не давая полностью готового к использованию исследовательского инструмента, институционализм избегает крайностей, присущих другим подходам, обнаруживая при этом множество «белых пятен» в изучении различных сфер политического процесса.

В свое время реакцией на доминирование в политической науке нормативных установок «старого» институционализма стало активное распространение среди исследователей поведенческих моделей и всевозможных концепций рационального выбора. Сегодня «новый» ин-

¹ Работа выполнена по программе Отделения общественных наук РАН в рамках реализации проекта «Трансформация институтов гражданского общества и государства в современном мире: политико-правовые проблемы».

ституционализм наряду с детерминизмом и нормативностью стремятся преодолеть крайности другого порядка – чрезмерное акцентирование в анализе политических изменений субъективного фактора.

Распространение концепций постструктурализма способствовало утверждению в социальных науках идей кардинальной трансформации политического пространства и бессубъектной природы власти. Эти установки нашли яркое отражение в многочисленных исследованиях масс-медиа, политических технологий, идеологии, политической символики и пр. В той или иной степени все они были призваны подчеркнуть: природа политической коммуникации принципиально изменилась, а вместе с ней существенные изменения претерпел и статус политического субъекта. На этом фоне удивительно наблюдать то, что в большинстве институциональных «прикладных» исследований политической сферы доминирующим фактором в объяснении политических трансформаций по-прежнему остается субъектное начало. И дело не в том, что необходимо признать малозначимой роль элиты или отказаться от учета возможности конкретной политической фигуры принимать определяющие решения для развития системы. Важно понять, насколько эта роль и эти возможности изменились в новых условиях, а также формированию какой конфигурации властных отношений они в конечном счете способствовали. Суждение о том, что власть рассредоточена в политическом пространстве и «исходит отовсюду», приобретает свою твердость и значимость лишь тогда, когда виден конкретный механизм ее функционирования.

Такая методологическая ситуация весьма характерна для анализа федеративных отношений. Не случайно в последнее время среди зарубежных ученых реакцией на преобладание инструменталистских и элитистских концепций в исследованиях федерализма стало появление работ, ориентированных на преодоление субъективных подходов и использующих, в частности, структуралистскую методологию [9]. Практически в любом своем виде федерализм представляет сложную матрицу властных отношений, функционирование которой невозможно описать исключительно структурным анализом или деятельностью акторов. Его изучение требует более гибкого инструмента, способного отразить взаимообусловленность этих факторов в самом процессе «вживания» федеративных структур в реальный процесс политического взаимодействия. В роли такого инструмента может выступить анализ устойчивых федеративных практик взаимодействия, определяющих характер и продолжительность существования системы федерализма, выполненный на основе базовых принципов нового институционализма.

Ключевым положением институционального подхода сегодня стоит считать не столько сам принцип устойчивости институтов или, словами Ротстайна, то, что «они не могут быть изменены в одноча-

сье по воле агентов» [7, с. 167], сколько следствие этого принципа – возможность институтов определять и корректировать стратегии и поведение акторов. При этом речь идет не о структурной доминанте, определяющей траекторию развития «наследием прошлого», а об институциональных практиках взаимодействия индивидов, приобретающих по мере их воспроизводства характер независимой переменной. Было бы преувеличением сказать, что «новый» институционализм сосредоточен исключительно на самих «правилах игры». Утверждение о том, что институты «имеют значение» в существенной мере заставляет обращаться к проблеме индивида как рационального деятельного субъекта. Только в новом методологическом ракурсе. По замечанию С.В. Патрушева, институциональный подход подчеркивает «понимание и признание ограниченности человеческого существования» [4, с. 13]. Таким образом, институционализм в сущности воспроизводит привычную для социальных наук антиномию «структура-субъект» в иной модели – «институт-актор».

Прежде чем перейти к анализу федеративных практик крайне важно остановиться на рассмотрении методологических недостатков субъективистского подхода к анализу политических изменений на примере акторных моделей, основанных на принципах рационального выбора. Эти модели тем более заслуживают внимания, поскольку в существенной мере их концептуальную основу составляет анализ институтов.

Стоит сразу заметить, что в самом широком смысле под моделями рационального выбора можно понимать практически любой подход, основанный на принципах методологического индивидуализма и ориентированный на анализ стратегических установок в поведении политических акторов.

В современных политических исследованиях принципы теории рационального выбора оказались тесно переплетены с рядом других подходов, среди которых можно выделить как поведенческие модели и различные вариации теории групп, так и многочисленные концепции инструментализма. Этот синтез порой настолько прочен, что провести внутри его какие-либо методологические различия бывает крайне сложно. Поэтому в контексте данной работы теория рационального выбора рассматривается скорее как собирательное методологическое понятие, отсылающее к анализу взаимодействия акторов и их стратегий, нежели как строгий набор принципов. Под такое определение попадает подавляющее большинство элитистских исследований, работ по анализу электорального поведения, изучению конфликтов, политических коалиций и др.

Пожалуй, основным преимуществом концепций рационального выбора и одновременно причиной их столь широкого распро-

странения среди исследователей является свойственная им эмпирическая очевидность. Действия элитной группы или отдельного политика всегда легче разглядеть, чем функционирование невидимых политических структур, а трансформацию политического курса проще объяснить распределением ресурсов, чем гораздо менее осязаемыми изменениями внутри институционального комплекса. Теория рационального выбора в этом смысле предельно конкретна, а предлагаемые ею объяснения безупречно логичны и нередко весьма эффективны. С учетом того, что принципы рационального выбора могут быть применены к анализу практически любой сферы политического процесса, этот подход можно считать универсальным. И даже то, что принято считать его традиционным недостатком, в полной мере недостатком не является. Вопрос ограниченности рациональности индивида в методологическом плане риторический. Это внутренне присущая акторным моделям сущностная черта, изначально определяющая концептуальные границы их возможностей.

Как ни странно, но наиболее слабым местом концепций рационального выбора выступает именно то, что изначально, с момента самого появления воспринималось в качестве их основного преимущества перед «тяжеловесными» функциональными и нормативными подходами – анализ динамики системного развития.

Безусловно, динамизм исходно присущ теории рационального выбора, которая по сути своей ориентирована на рассмотрение действий акторов и изменение их стратегических установок. Однако что в этом контексте следует считать системным развитием? Если элиты исходя из своих интересов каждый раз устанавливают выгодные им правила взаимодействия, достигая таким образом определенного компромисса, то каждая последующая смена элит неизбежно повлечет за собой очередную смену «правил игры».

Можно сказать, что система взаимоотношений элиты определяется особым режимом распределения ресурсов. Но этот режим оказывается полностью зависим от конкретной конфигурации элит. Смена конфигурации будет означать смену режима. В этом смысле в рамках теории рационального выбора речь идет не о динамике развития системы, а скорее о динамике каждого конкретного случая взаимодействия акторов, то есть о совокупности “case-studies” или о том, что Мухарямов назвал моделью «ситуативной динамики» [11]. Кроме стратегий элит самому режиму в этом случае больше не на чем «держаться». Нет никаких иных устойчивых системных характеристик, которые позволили бы говорить о его развитии и трансформации, определяя этот режим именно как систему. Указанный момент обнаруживает второе «уязвимое место» акторных моделей и субъективистских подходов в целом – недостаточный учет институционального фактора.

В настоящее время категория «институтов» является одной из центральных в рамках теории рационального выбора. Ее отдельные

направления делают существенный акцент на анализе институционального развития [см., напр. 1]. Как отмечает Панов, «именно концепция институтов вывела теорию рационального выбора из кризиса, «открыла ей второе дыхание»» [4, с. 51]. Однако о каких бы вариациях теории рационального выбора ни шла речь, институты для нее никогда не играли роли определяющего фактора политических изменений. Они всегда выступали производной от действий акторов. Институты могут сохранять устойчивость, но эта устойчивость будет определяться выгодой и эффективностью использования конкретных «правил игры». И даже если речь идет о «культурно» обусловленных практиках, независимых от действий акторов, в теории рационального выбора такие практики «не детерминируют поведение индивидов, а лишь ограничивают их выбор» [4, с. 61]. А значит и не оказывают серьезного влияния на их действия. Существование институтов как независимой переменной системного развития в данном случае невозможно. Ключевым фактором политических изменений в теории рационального выбора всегда выступает субъект – его интересы и стратегии. Методологическая уязвимость этого подхода хорошо видна при анализе федеративных систем.

Работой, которая во многом определила собой традицию анализа федерализма с позиций теории рационального выбора и элитистского подхода, стал классический труд Уильяма Райкера «Федерализм: происхождение, функционирование и значение» [13]. Первые в политической науке федерализм оказался «очищен» от всякого этического измерения и рассматривался как результат институциональной сделки элит. Как полагает Михаил Филиппов, основным вкладом Райкера в анализ федеративных отношений стало успешное применение нового методологического подхода – принципа методологического индивидуализма [10, с. 6]. Использование такого метода давало Райкеру возможность поставить федерализм в зависимость от интересов конкретных государственных и политических деятелей. Следуя этому подходу, федерализм имеет место тогда, когда он выгоден, а его развитие – это реализация стратегий элитных групп Центра и регионов. В результате каждая отдельная конфигурация элит определяет собой самостоятельную модель федеративных отношений. Такая схема во многом универсальна и весьма действенна при анализе распределения ресурсов между центральной и региональной властью. Однако она практически полностью исключает существование каких-либо структурных или институциональных характеристик федеративной системы, способных определять ее развитие. Конечно, можно говорить о факторах, которые влияют на мотивацию самих акторов, также как и о «правилах игры», которым эти акторы следуют. Но и те, и другие рассматриваются лишь в контексте влияния на действия субъекта, в конечном итоге лишь подчеркивая его ключевую роль в развитии федерализма.

В строгом смысле слова в рамках этого подхода нельзя говорить о федерализме как о целостной системе устойчивых взаимодействий. Что является границами такой системы? И что обеспечивает ее устойчивость? Как, например, с позиций рационального выбора и акторных элитистских моделей можно определить, что представляет собой «канадский федерализм» или «германский федерализм»?

Следуя логике подхода, в одном случае это должна быть борьба этнических групп за расширение автономных прав и независимость, в другом – конкуренция двух уровней власти за полномочия и ресурсы по «спорным» вопросам. Но как быть с теми системными характеристиками, которые обеспечивают устойчивость и развитие обеих моделей на протяжении длительного периода времени? Федерализм в Канаде – это не просто последовательность конфликтов, компромиссов и переговоров Центра с Квебеком и другими регионами. Это сложная институциональная система неформальных отношений между правительствами различных уровней, позволяющая обеспечивать относительную устойчивость государства, которому значительная часть экспертов предрекает скорый распад уже на протяжении нескольких десятилетий. Понять динамику и особенности развития канадского федерализма в опоре исключительно на субъективный фактор его изменений невозможно.

Схожая ситуация характеризует и Германию. Несмотря на то, что модель федерализма сотрудничества за последние десятилетия претерпела серьезные изменения, неформальные коммуникации элитных групп Центра и земель продолжают играть роль одного из стержневых институтов развития федеративных отношений в государстве. Это имеет тем большее значение, что система германского федерализма все отчетливее приобретает черты централизованной бюрократической модели государственного устройства. В таких условиях динамика развития федеративных отношений зависит не столько от действий самих акторов, сколько от трансформации тех «правил игры», которым они следуют.

Как видно, субъективистские подходы к анализу федеративных отношений методологически не менее уязвимы, чем нормативные, реакцией на которые во многом и было обусловлено утверждение в исследовательской практике многочисленных элитистских и акторных моделей. Для того чтобы избежать крайностей обеих традиций, необходимо рассмотреть развитие федерализма во взаимобусловленности субъективных и структурно-функциональных факторов его изменений.

В действительности противопоставление субъективных факторов политической трансформации (элита, ее стратегии и интересы) объективным факторам (структура, формальные институты, нормы)

является малопродуктивным. Элита всегда действует в конкретной среде и неизбежно вынуждена встраиваться в утвердившуюся в рамках этой среды систему регуляторов и правил игры.

Формирование элиты как самостоятельного политического актора происходит в конкретных институциональных условиях, которые определяют ее мотивацию и интересы. В свою очередь, структуры, конституционные нормы и формальные правила «имеют значение» лишь тогда, когда «освоены» политическими акторами. Они реализуют свою регулируемую функцию в процессе взаимодействия этих акторов, а не в «объективном» и независимом существовании. Именно этим обусловлено стремление целого ряда специалистов обозначить особый комплекс устойчивых регуляторов, позволяющих в той или иной степени вскрыть те механизмы, с помощью которых формальные институты и правила приводятся политическими акторами в действие. Речь при этом может идти и о неформальных практиках, и о «некодифицируемых рабочих практиках» [8], и о «стандартных рабочих процедурах» [7], и о «рабочих правилах» [12].

В функционировании федеративных систем такие устойчивые практики взаимодействия играют весьма существенную роль. Если федерация представляет собой совокупность конституционных норм, это означает лишь то, что сама система отношений в рамках этих норм еще должна сложиться и утвердиться. В свою очередь, если федерализм выступает в роли «сделки» элит, то эта «сделка» может иметь место и быть закреплена в конкретных институциональных условиях. Федеративные практики лишь подчеркивают существование таких механизмов взаимодействия различных уровней власти, которые не всегда вписываются в правовые нормы и в состоянии обладать достаточной устойчивостью, чтобы не зависеть от частых изменений состава элиты.

При этом крайне важно избежать противопоставления формальных, юридически закрепленных норм неформальным. Неформальные институты нельзя рассматривать как отступление и девиацию от кодифицированных правил. Оба типа регуляторов образуют собой единый институциональный комплекс, определяемый их функциональным синтезом. Федеративные практики обнаруживают себя именно в этом функциональном синтезе правовых норм и неформальных механизмов.

Опыт канадской федерации явно демонстрирует, что устойчивость и эффективность системы «исполнительного федерализма» обеспечивается целым комплексом регуляторов различных типов – от конституционных норм до кулуарных соглашений, вырабатываемых на закрытых встречах премьер-министров. Именно тот факт, что эта система имеет «довольно расплывчатый правовой и институциональный статус» [3, с. 128], и объясняет ее гибкость и

жизнеспособность в меняющихся политических условиях. В этом плане динамика развития системы межправительственных соглашений определяется, с одной стороны, действиями элит и их стремлением добиться выгодных для себя решений в рамках переговорного процесса (стратегическим аспектом), с другой стороны, устойчивостью и прочностью самих «правил игры», которые постоянно воспроизводятся новыми поколениями элиты (структурно-институциональным аспектом). Как отмечает Симеон, ключевым элементом такой практики взаимоотношений выступает «институциональный интерес» основных политических акторов – представителей исполнительной власти Центра и регионов [14, с. 103].

Устойчивые федеративные практики обеспечивают динамику развития системы государственного устройства во всех ее ключевых сферах.

Так, в сфере разграничения полномочий между центральным и региональным уровнями власти (в зависимости от конституционных принципов этого разграничения) могут утверждаться и практики конкурирования за полномочия и ресурсы, и уже выработанные и сложившиеся со временем механизмы сотрудничества федерального и регионального правительств в каждой конкретной области предметов ведения. Опыт развития федерализма в Германии демонстрирует, как система «федерализма сотрудничества», включающая в себя целую сеть переговоров, совещаний и комитетов, стала важнейшим неформальным институтом в регулировании отношений Центра и земель. Как отмечает Эрк, само юридически закрепленное разделение полномочий в Германии часто отходит на второй план по отношению к обсуждению ключевых вопросов в сфере публичной политики [8, с. 443].

Отдельного внимания заслуживает утверждение федеративных практик в сфере представительства региональных интересов в федеральных органах власти. В этом аспекте важны не только практики формирования региональных групп интересов, но и используемые ими способы давления на федеральные элиты и органы государственной власти (так называемый «региональный лоббизм»), а также каналы рекрутирования самих представителей от регионов. В частности, в Бельгии формирование правящей коалиции после парламентских выборов основано на целой серии неформальных процедур, которые в совокупности с утвердившимися политическими традициями позволяют сохранять баланс этнического представительства в правительстве страны и как следствие – устойчивость всей системы управления [5, с. 163-164].

Наконец, активное взаимодействие элитных групп в рамках федеративного государства традиционно связано со спецификой осуществляемой в нем бюджетной и финансовой политики. В этой сфере интенсивность сотрудничества региональной и федеральной

элит практически не зависит от характера и степени централизации системы. Распределение федеральных трансфертов, особенности реализации редистрибутивных программ или любые другие механизмы, допускающие предоставление финансовых преференций отдельным регионам, будут неизбежно формировать соответствующие практики взаимоотношений Центра и региональных групп интересов. В этом аспекте многие специалисты рассматривают федеративную систему США как крайне подверженную действиям неформальных правил. Примером этого может служить утвердившаяся в федеративной системе США практика воздействия центрального правительства на региональную политику через редистрибутивные программы, «в ходе которых Центр передислоцирует часть собственных экономических ресурсов в регионы» [6, с. 66].

Федеративные практики всегда утверждаются в конкретных условиях взаимодействия политических элит и в этих же условиях при постоянном воспроизводстве они приобретают достаточную устойчивость, чтобы оказывать обратное влияние на поведение элитных групп. В этом смысле анализ федеративных практик – это не столько вопрос ограниченности действий субъекта, сколько вопрос того, как именно эти действия способны обеспечить динамически устойчивое развитие федеративной системы.

Какие перспективы изучения федеративных практик может иметь в условиях российской политической действительности?

Объяснение изменений, произошедших в российском федерализме за последние десять лет, отличает абсолютное доминирование субъективного фактора. Сомнению может подвергаться уровень централизации власти, эффективность проводимых реформ или даже политическая сила Центра, но только не причины изменений федеративной системы в начале 2000-х гг. При этом не важно, о сторонниках какого подхода идет речь – нормативно-правового, ценностного, конструктивистского, элитистского. «Формула» трансформации оказывается во всех случаях примерно одинаковой: смена политической элиты страны привела к резкой смене курса в сфере региональной политики.

На первый взгляд, этот вывод кажется настолько очевидным, что даже не требует аргументации. Прочность и основательность такой точки зрения коренится прежде всего во внешне ощущаемых различиях двух периодов развития нового российского федерализма, разделяемых приходом к власти новой элиты в 2000 г. Эти различия очевидны в характере реформ, официальной риторике и общем политическом контексте.

Однако если оставить в стороне устоявшийся дискурс «вертикализации» и декларативные принципы преобразований нового ру-

ководства, будет отчетливо видно, что контуры федеративной политики периода «нового централизма» не слишком сильно отличаются от системы отношений Центра и регионов, существовавшей в 1990-е гг. Власть продолжила решать те же проблемы теми же способами и, как правило, с теми же, что и ранее, результатами. Последнее ярко демонстрирует состоявшаяся в апреле текущего года встреча президента Медведева с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным, по результатам которой выяснилось, что принципиальные противоречия между региональными законодательствами и Конституцией России до сих пор сохраняются и «нужно спокойно, без избыточной экзальтации, доводить ту работу, которая шла уже 8 и 9 лет, до логического завершения [2, с. 2]. Впервые за долгое время в официальном государственном дискурсе была затронута «стержневая» проблема российского федерализма, решение которой десятилетие назад по сути обуславливало и определяло характер всей федеративной реформы, и в настоящее время, как оказалось, еще далеко не исчерпано.

Даже теоретически Центр не мог в корне изменить систему отношений с регионами, которая успела сложиться в ельцинский период. В реализации своих целей он продолжил использовать проверенные механизмы – индивидуальный подход к каждому региону и предоставление преференций «избранным». В сущности в новых условиях продолжила функционировать прежняя система двусторонних соглашений центральной и региональной власти, которая приобрела скрытый характер и новые формы внутрипартийного и межэлитного сотрудничества.

Неформальные взаимодействия Центра и регионов в виде негласных договоренностей и обязательств, закрытых встреч представителей элиты и «торга» за привилегии – все то, что в 1990-е гг. воспринималось в качестве вынужденной временной меры выстраивания отношений, – сегодня приобрело характер функционального свойства федеративной системы, стало инвариантом ее развития. Эти механизмы взаимодействия настолько прочно укоренились в российском федерализме, что стали неотъемлемым элементом его трансформации. И уже не на уровне стратегий отдельных акторов, а на уровне его институциональных регуляторов.

Именно в этом аспекте анализ федеративных практик представляется, возможно, единственным способом увидеть предпосылки «путинского централизма» в периоде, предшествующем самой смене элиты в 2000 г. В таком ракурсе станет совершенно очевидным, что далеко не всегда за последние годы Центр действовал по собственному желанию и обладал широкими возможностями в выборе стратегий, а напротив, был в существенной мере ограничен имеющимися ресурсами и утвердившимися «правилами игры». Это позволит объяснить его курс на осторожную глубоко не афишируе-

мую политику в сотрудничестве с целым рядом республиканских элит на фоне общей демонстрации силы и мощи, следование принципам «фаворитизма» в экономической сфере взаимоотношений с региональными элитами, «индивидуальный» подход в практике фактического назначения глав регионов и множество других шагов в области федеративных отношений.

Разрыв между тем, что Эрк обозначил как «некодифицируемые рабочие практики» и «неработающие правила» [8] в российском федерализме весьма существен. И со временем он только увеличивается. При этом к уже традиционным неформальным практикам взаимодействия элит добавляются новые, обусловленные принципами выстраивания отношений внутри государственных корпораций. Продолжающееся усиление этой тенденции будет означать лишь то, что развитие российской федеративной системы будет все в меньшей степени зависеть от субъективного фактора и действий политической элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вейнгафт Б.* Политические институты с позиций концепции рационального выбора // *Политическая наука: новые направления.* М.: Вече, 1999. С. 181-204.
2. Законный брак. *Российская газета.* 2009. 17 апр.
3. *Захаров А.А.* «Исполнительный федерализм» в современной России // *Политика*, 2001. № 4. С. 122-131.
4. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 590 с.
5. Коалиции поневоле: политики и государственные служащие в коалиционных правительствах / Под ред. Б.Г. Питерса, Т. Ферхайена, Л. Ваша. Пермь, 2007. 232 с.
6. *Панкевич Н.В.* Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.
7. *Ротстайн Б.* Политические институты: общие проблемы // *Политическая наука: новые направления.* М.: Вече, 1999. С. 149-180.
8. *Erk J.* “Uncodified Workings and Unworkable Codes”: Canadian Federalism and Public Policy // *Comparative Political Studies*, 2006. V. 39. № 4. P. 441-462.
9. *Erk J., Koning E.* New Structuralism and Institutional Change: Federalism Between Centralization and Decentralization // *Comparative Political Studies*. V. 42. № 11 (forthcoming 2009).
10. *Filippov M.* Revisiting Riker’s Theory of Federalism [Электронный ресурс]. Prepared for the Conference on Empirical and Formal Models of Politics 16-18 January 2004, Center in Political Economy Washington University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artsci.wustl.edu/~polecon/conferences/filippov.pdf>. (проверено 1.03.2009 г.).
11. *Moukharlamov N.M.* The Tatarstan Model: A Situational Dynamic // *Beyond the Monolith. The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia.* Washington; Baltimore; London, 1997. P. 213-323.

12. *Ostrom E.* Governing the commons. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 280 p.
13. *Riker W.H.* Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown & Company, 1964. 169 p.
14. *Simeon R.* Canada: Federalism, Language, and Regional Conflict// Federalism and Territorial Cleavages. Edited by Amoretti U.M. and Bermeo N. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2004. P. 93-122.

RESUME

Mikhail Sergeevich Ilchenko. Post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, +7(922) 215-80-45 msilchenko@mail.ru

Institutionalism and the problem of the subject: The analysis of federal relations

The article considers the perspectives of institutional approach toward changes of political system in order to overcome methodological shortage of subjectivistic models. The analysis of the development of federal relations demonstrates that stable interaction between political actors is a functional feature of federalism and key factor of federal system transformation.

Institutionalism, rational choice theory, elitist approach, federalism, federative practices.

Материал поступил в редколлегию 01.06.2009 г.